

материального положения самого лица, злоупотребляющего азартными играми. Кроме того, проводя аналогии с ограничением дееспособности в силу *злоупотребления* спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, которое предполагает неоднократность, буквальное толкование положения Указа № 9 об «участии в азартных играх» может быть неоднозначным. Должны ли иметь место неоднократно повторяющиеся (систематические) действия или достаточно разового участия, которое поставило гражданина и (или) его семью в тяжелое материальное положение? С нашей точки зрения, требуется реализовать такой же исключающий двусмысленность подход, как при оценке злоупотребления спиртными напитками.

Согласно Указу № 9 гражданин может быть ограничен в посещении игорных заведений и участии в азартных играх только на определенный срок. Согласно ст. 30 ГК, предусматривающей основания ограничения в дееспособности, срок не устанавливается. Отмена ограничения дееспособности возможна при отпадении оснований, в силу которых гражданин был ограничен в дееспособности.

Учитывая изложенное, считаем, что ограничение граждан в посещении игорных заведений следует рассматривать как специфическое основание ограничения дееспособности. С учетом мирового и регионального опыта, социальной значимости, а также с целью устранения существующей на данный момент неопределенности относительно вопроса о правовой природе исследуемого явления целесообразно, с нашей точки зрения, закрепить данное основание на уровне ГК, расширив тем самым перечень закрепленных в ст. 30 оснований.

Алексеев А. С.

ВЛИЯНИЕ ВИЗАНТИИ НА ЗАРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОГОВОРА НА РУСИ

*Алексеев Алексей Сергеевич, магистрант 3 курса Калужского
государственного университета им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия,
alekseyevas@studklg.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткова О. А.

Договорные отношения с древних времен были одним из основных инструментов права как в практическом, так и в теоретическом аспектах. Изучение эволюции договорных отношений в гражданском праве, закономерностей его развития и последствий тех или иных решений позволяет прогнозировать дальнейшее развитие этого института, опираясь на опыт прошлых поколений. Договорные отношения в Древнерусском государстве берут свое начало от договоров Руси с Византией. Процессы классового и

социального расслоения древнерусского общества, а также формирование слоя крупных владельцев начинают заявлять о себе еще в конце IX – начале X в. Рассмотрение этих памятников и их анализ отчетливо свидетельствуют о рецепции византийского права и применении его предписаний и норм на славянской почве, а также о влиянии на урегулирование отношений наследования у восточных славян правовых систем других народов, с которыми славяне так или иначе контактировали.

Обратившись к тексту договора 911 г., который дополняет и развивает мысль договора 907 г., можно найти в нем три нормы, которые дают возможность говорить как об отношениях собственности и наследования, так и об имущественных отношениях в принципе в период до Русской Правды. На основании этих норм была создана достаточно полная система русского договорного права, которая довольно много внимания уделяла как раз таки вопросам наследования имущества.

Однако не стоит забывать, что одно и то же выражение для представителей разных народов могло иметь совсем другое значение и содержание, поскольку каждый из них понимал его по-своему и по своему собственному быту, т. е. можно однозначно сказать, что нельзя доверять буквальному смыслу договоров и для достоверной трактовки тех или иных норм, помимо филологических изысканий, стоит проводить и культурологические исследования.

Именно поэтому нельзя оставлять без внимания то, что списки этих договоров появляются не раньше XIV–XV вв. и изначально язык написания договоров был церковнославянским. Конечно, впоследствии переписчиками тексты договоров были переведены на русский язык, но это может, как было замечено выше, приводить к неточностям трактовки. Так, одним из характерных для договора Олега 911 г. признаков является в первую очередь то, что приведенные в этом договоре статьи касаются лишь варягов, которые состояли на службе у Византии; других же лиц, которые могли попасть в Византию, к примеру, при ведении торговли, данный договор не касается и относительно них установленный порядок выглядел по-другому, так как они не становились временными подданными Византийской империи.

Таким образом, анализ как самих постановлений договоров Руси с греками, так и выражаемых в науке точек зрения, касающихся их оценки относительно возможности использования для изучения истории договорного права, дает основания утверждать, что нельзя эту историю вести от указанных договоров. Во-первых, она не может начинаться где-то за пределами русской земли, поскольку, как известно, территорией действия этих договоров являлась прежде всего Византия. Во-вторых, памятники эти не являются документами собственно русского права, и потому тот факт, что в некоторых из постановлений договоров содержатся предписания относительно наследования имущества, может быть лишь поводом, но никоим образом не материалом для того, чтобы делать какие-либо предположения или догадки о порядке

распоряжения имуществом у русичей до Русской Правды. Выделяя договоры Руси с греками из истории русского права, представляется, что начальным этапом в правовом урегулировании договорных отношений на Руси выступала именно Русская Правда, предписаниями которой и был впервые зафиксирован существующий у восточных славян соответственно их обычаям и юридическим традициям порядок урегулирования договорных отношений вместе с новеллами, привнесенными туда законодательной деятельностью княжеской власти и судебной практикой.

Принимая во внимание вышеизложенное (подходы к заключению договора, его структуру и содержание, систему учета совершенных сделок и т. п.), можно предпринять попытку дать определение категории «договор» применительно к рассматриваемому периоду: под договором (правдой, рядом) в исследуемый период понималось соглашение между свободными людьми, устанавливающее определенные правила поведения, которыми должны были руководствоваться стороны.

Антоненко А. М.

СТОРОНЫ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

Антоненко Алёна Михайловна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, antonenko.a23@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Брачный договор является регулятором брачно-семейных отношений, выступая правовой гарантией исполнения обязательств супругов по отношению друг к другу в период брака, а также после его расторжения. Статистика свидетельствует о постоянном приросте количества заключенных брачных договоров. Например, по итогам 2018 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано более 3 тысяч брачных договоров, по итогам 2019 г. – уже более 4 тысяч. Следовательно, в Республике Беларусь прослеживается положительная динамика заключения брачных договоров, что подтверждает необходимость более детальной разработки соответствующих правовых норм.

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) определяет брачный договор как соглашение лиц, вступающих в брак, либо супругов об определении их личных неимущественных и (или) имущественных прав и обязанностей как в период брака, так и после его расторжения (ст. 13). В соответствии со ст. 13-1 КоБС брачный договор заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Таким образом, сторонами в брачном договоре могут выступать не только супруги, но и лица, вступающие в брак. Брачный договор порождает взаимные права и обязанности только для супругов. В том случае, если брачный договор заключают лица, вступающие в брак, то договор вступает в силу со дня регистрации заключения брака.